

УДК 94(470)"18/19":316.77+304+32.019.5

ЗАСТОЛЬЯ В РОССИЙСКИХ САЛОНАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

М. М. Леонов

Самарская академия государственного и муниципального управления,
кафедра гуманитарных и правовых дисциплин, г. Самара

Статья посвящена роли и месту застолий в салонной культуре России второй половины XIX – начала XX в. Автор приходит к заключению, что атмосфера салонных встреч и линия поведения посетителей во многом определялись прагматическими установками.

Ключевые слова: *застолье, салон, гостеприимство, общественное мнение, протезирование, неформальные связи.*

Застолья, как этнокультурный феномен, давно стали объектом научного исследования¹. Ритуалы трапез отражают менталитет различных социальных групп. Как справедливо отмечал И. А. Морозов, застолья маркируют «любые ситуации перехода как в традиционном, так и в современном быту»: границы между трудом и отдыхом, буднями и праздником, обыденным и сакральным². Известно, что в разных обществах и в разные эпохи коллективный приём пищи мог служить делу закрепления иерархических отношений: участники, с одной стороны, представляли частями единого социального организма, а с другой – обыгрывали своё неравенство, свои обязанности перед другими³.

В данном исследовании речь пойдёт о роли застолий в салонной культуре России второй половины XIX – начала XX в. Основное внимание будет уделено вопросу о том, как совместный приём пищи способствовал установлению и укреплению неформальных отношений внутри «локальной сети».

Угощение посетителей являлось неотъемлемой чертой светских приёмов в России. Например, визитной карточкой салона Каролины Пав-

---

¹ *Лотман Ю. М., Погосян Е. А.* Великосветские обеды. СПб., 1996; *Макашина Т. С.* Застолье в вологодском свадебном обряде // *Мировоззрение и культура севернорусского населения.* М., 2006. С. 291–340; *Романов П. В.* Застольная история государства Российского. СПб., 2000; *Ковалев В. М., Могильный М. П.* Традиции, обычаи и блюда русской кухни. М., 1996.

² *Морозов И. А.* Структура и семантика традиционного застолья: обычаи, верования, магия, связанные с его началом и завершением // *Традиционная культура: научный альманах.* М., 2002. № 2. С. 18.

³ См.: *Альгази Г.* Господа спрашивают, крестьяне отвечают: создание традиции на сельских сходах позднего Средневековья // *История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX – XXI веков.* СПб., 2006.

ловой считались мелкие печенья (редкость по тем временам), а в салоне Олениных гостей баловали свежими сливками⁴. Хорошо известно, что напитки и закуски раскрепощают, поднимают тонус, способствуют оживлению беседы. Поэтому, сообразуясь с характером приёма, хозяева устраивали у себя чайный стол, завтрак, обед для избранного круга или многолюдную трапезу.

Изучая застолья, важно избежать неоправданного преувеличения их роли в повседневной жизни салонов. Приём пищи, при всём его значении для конструирования дружеской атмосферы, как правило, всё же не был главным элементом встречи. Застолье, как «единственное средство спасения», служило плохой приманкой для гостей⁵. Чтобы кружок «не выдохся», он должен был иметь цену сам по себе, например как центр интеллектуального досуга или как место, пригодное для поиска патрона.

Характер угощения, приготовленного хозяевами, обыкновенно зависел от традиций, назначения, продолжительности приёма и времени суток. Типичными для аристократических и подражавших им гостиных считались легкие закуски во время вечерней беседы. Парадные обеды всегда накрывали в столовой, в то время как гостиная служила местом, где до обеда подавали закуски, а после – сервировали чайный стол⁶. Во многих салонах еду и напитки разносила прислуга, хотя было немало и таких гостиных, где сама хозяйка разливала чай. Это считалось признаком особого гостеприимства. Например, на вечерах у Полонских хозяин дома, Яков Петрович, подвозил всех к столу и отправлялся встречать новых гостей, а хозяйка, Жозефина Антоновна, «ласково улыбалась подходящим к ней поздороваться» и угощала их чаем⁷. Встречи, сопровождавшиеся скромным угощением, как правило, продолжались недолго.

В пореформенный период салонная культура перестала быть исключительным достоянием элит, в гостиных всё чаще появлялись разночинцы. В моду вошли «завтраки». В известной степени это объяснялось стремлением хозяев некоторых гостиных, заинтересованных в формировании широкой «сети» и поддержании контактов с представителями различных общественных слоев, привлечь к себе возможно большее число посетителей. Так, в салоне Богдановичей завтраки считались открытыми: утро было временем визитов и всякий посетитель приглашался к столу. В гостиной ежедневно собиралось до двадцати человек⁸. Среди них были чиновники, военные, купцы, священники, а порой и простые рабочие. Хозяева любезно беседовали с гостями, заботились, чтобы те были сыты, расспрашивали о нуждах и чаяни-

---

⁴ Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. М., 2001.

⁵ Ясинский И. И. Литературные воспоминания (1878–1882) // Исторический вестник. Т. 71. 1898. № 1. С. 172.

⁶ Келлер Е. Э. Светская жизнь в интерьерах столичных особняков. СПб., 2007. С. 15.

⁷ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 446.

⁸ Там же. С.138–139.

ях. Подобные встречи способствовали осведомленности Богдановичей о настроениях широких масс. Думается, что процесс инфильтрации дворянского общества представителями низших сословий, завершившийся появлением «народных» гостиных, может рассматриваться как свидетельство менявшихся представлений о престиже и назначении салонов.

Характерно, что «завтраки» для широкого круга лиц не отменяли «обедов» для избранной публики. В упомянутом салоне Богдановичей практиковались оба типа застолий. Приглашая к обеду, хозяева проявляли известную щепетильность в подборе гостей, учитывали их социальный статус и личные склонности⁹. О положении этих лиц можно судить по сохранившимся письмам. В одном из них говорилось: «... сегодня обедают у нас – сенатор говорун, скромный обер-прокурор, мудрый коммерсант и один член Верховной Комиссии»¹⁰. Как было принято в среде столичного дворянства, обед начинался в пять или в шесть часов. Садиться за стол раньше считалось простонародным обычаем¹¹. Богдановичи ожидали от своих гостей пунктуальности. Если человек задерживался более чем на четверть часа или вовсе пропускал обед, ему делалось внушение, не выходящее, впрочем, из пределов светской любезности. В подобном случае А. В. Богданович сетовала: «... в прошлую пятницу, ввиду Вашего обещания обедать у нас, мы сочли себя в праве лишних 20 минут ожидать Вас к обеду и задержали наших гостей»¹².

Хозяева не скупились на угощение. Как известно, гастрономические изыски могли придать гостиной особый шарм и привлекательность. Тексты письменных приглашений содержат немало примеров того, как Богдановичи пытались соблазнить своих знакомых ягненком или «живой стерлядью в 1½ аршина»¹³. Непременным атрибутом застолий было красное и белое вино. Его подавали не только к обеду, но и к завтраку. Богдановичи знали в вине толк и время от времени угощали друзей редкими сортами.

Приглашённые съезжались непосредственно к обеду; за столом разгоралась беседа, порою продолжавшаяся многие часы. Такая последовательность (сначала еда, затем разговоры) была принята во множестве гостиных. Об этом свидетельствуют тексты литераторов, регулярно посещав-

---

⁹ Однажды Н. А. Ермаков выразил желание обедать в компании М. Т. Лорис-Меликова и Н. П. Игнатъева и был приглашен в тот день, когда эти чиновники согласились нанести визит. См.: Е. В. Богданович – Н. А. Ермакову, 7 февраля 1880 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 915. Л. 27. В другой раз Александра Викторовна мотивировала приглашение А. С. Суворину тем, что прежде он с удовольствием обедал в компании князя Имеретинского (А. В. Богданович – А. С. Суворину, 19 января 1896 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 416. Л. 16).

¹⁰ Е. В. Богданович – Н. А. Ермакову, 21 марта 1880 г. // РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 915. Л. 28.

¹¹ Известный публицист К. К. Арсеньев, переехавший в загородный дом и поменявший режим дня, сообщал другу, что он обедает теперь «по-деревенски», в два часа (К. К. Арсеньев – И. В. Жилкину, 20 июня 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 5. Л. 101).

¹² РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 915. Л. 26.

¹³ Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 414. Л. 26; Ф. 2555. Оп. 1. Д. 915. Л. 28.

ших званые обеды и ужины. В частности, описание такого регламента можно обнаружить в записках поэта из крестьян С. Д. Дрожжина¹⁴.

Застольные беседы в узком дружеском кругу представляют несомненный интерес. О них можно судить главным образом по отрывочным сведениям, сохранившимся в дневниках и воспоминаниях современников. Как представляется, именно за едой обсуждались и решались многие вопросы, волновавшие членов «локальной сети». Богатый опыт застольных бесед имел князь В. П. Мещерский, несколько десятилетий проводивший собрания в своей гостиной. В разные годы к нему приезжали И. Д. Делянов, И. А. Вышнеградский, И. Н. Дурново, С. Ю. Витте, Д. С. Сипягин, В. К. Плеве и др. В. Коростовец свидетельствовал, что «каждую пятницу» Витте обедал у Мещерского и «каждый понедельник» Мещерский обедал у Витте¹⁵. Таким образом, в общении с «патронами», входившими в «локальную сеть», посредник взаимодействовал на протяжении всей недели. Приглашая навестить его дом или оговаривая собственный визит, Мещерский нередко просил о встрече именно в «обеденный час»¹⁶. Совместная трапеза гарантировала внимание собеседника на протяжении большого отрезка времени. Сверх того, за едой он мог застать визави более расслабленным и открытым, а значит, более расположенным к общению на равных. В неформальной обстановке собеседники делились важной информацией и обсуждали возможности сотрудничества в конкретных проектах. Разумеется, содержание застольных бесед в большинстве случаев оставалось тайной для публики, но сам факт регулярных контактов Мещерского с представителями бюрократической верхушки инспирировал множество слухов, которые оказывали несомненное влияние на репутацию его салона.

В пространстве дружеского общения ключевой составляющей была установка на доверие, располагавшая к обсуждению острых вопросов, неуместных в многолюдной гостиной. Собеседники получали ценную информацию из первых рук и делились своими планами. Атмосфера доверия располагала к демонстрации теплых чувств. Так, в январе 1902 г. Мещерский обедал с товарищем министра путей сообщения В. А. Мясоедовым-Ивановым и министром внутренних дел Д. С. Сипягиным. Последний «казался в духе», поскольку «был доволен своим распоряжением» – высылкой под гласный надзор в Минусинск А. В. Амфитеатрова, за публикацию фельетона «Господа Обмановы»¹⁷. Это произведение высмеивало вершителей судеб страны; имена высочайших особ были незначительно изменены («Об-

¹⁴ Дрожжин С. Д. Поэт-крестьянин Спиридон Дрожжин в его воспоминаниях. 1848–1884 гг. // Русская старина. 1884. Т. 44. № 11. С. 314.

¹⁵ Korostowetz W. Graf Witte. Der Steuermann in der Not. Berlin, 1929. S. 71. По утверждению И. И. Кольшко, в первые годы XX в. Витте посещал обеды Мещерского даже два раза в неделю. См: Баян (Кольшко И. И.) Ложь Витте. Ящик Пандоры. Берлин, б/д. С.17.

¹⁶ В. П. Мещерский – В. К. Плеве, 21 декабря 1903 года // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 586. Оп. 1. Д. 904. Л. 20–20 об.

¹⁷ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 277.

мановы» – Романовы, «Алексей Алексеевич» – Александр III, «Никандр Алексеевич», «Ника» – Николай II и т. д.), а о князе Мещерском говорилось прямым текстом, без экивоков. Его «Гражданин», полный благонамеренных статей о том, «как надлежит драть кухаркина сына в три темпа», изображался единственной газетой, снискавшей симпатии Александра III и допускавшейся во дворец. В сатире Амфитеатрова Николай II предстал слабовольным человеком, не имевшим смелости перечить отцу; даже «Русские ведомости» «Ника» доставал обходными путями, и читал их исподтишка, прикрывая номером «Гражданина»¹⁸. Словом, памфлет рисовал Мещерского злым гением эпохи контрреформ. Воодушевленно рассказывая о наказании автора, Д. С. Сипягин явно принимал сторону Мещерского, тем самым подчеркивая солидарность с ним. В то же время нельзя исключить, что третий участник обеда, В. А. Мясоедов-Иванов, смотрел на вещи иначе. На следующий день он в телефонном разговоре посвятил в дело А. В. Богданович, и та записала в своём дневнике: «... по тому, как поступили с Амфитеатровым, видно, что мы живём в деспотическом правлении»¹⁹.

Хотя застольные беседы были обставлены как «разговоры по душам», о полной искренности, разумеется, речь вести нельзя. С. Ю. Витте свидетельствовал, что слова, произнесённые Мещерским за дружеской трапезой, порою расходились с его поступками. Как-то за обедом Д. С. Сипягин пожаловался на трудности и даже не исключал эвентуальной отставки. Речь зашла о преемнике, прозвучало имя Плеве. Сипягин и Мещерский сошлись на том, что назначение Плеве стало бы «большим несчастьем для России». Однако несколько месяцев спустя издатель «Гражданина», наперекор своим прежним намерениям, поддержал именно кандидатуру Плеве²⁰.

Естественно, самые деликатные вопросы обсуждались с глазу на глаз, чтобы конфиденциальная информация не выскользнула за пределы столовой, подобно тому как это случилось в истории с Амфитеатровым. В одном из писем к С. Ю. Витте Мещерский отметил: «Дорогой Сергей Юлиевич, вчера Нилов помешал мне мою просьбу к Вам... высказать определенно настолько, чтобы в ней не было ни сучка, ни задорины, в смысле возможности воспользоваться Вашей любезностью, чтобы не навязывать Вам фальшивое положение»²¹. Другими словами, присутствие третьего лица не позволило вести беседу в нужном русле, – и это принимая во внимание, что Нилова причисляли к разряду добрых знакомых Мещерского (по сообщению Витте, его фотографии стояли на столе князя). Вероятно, присутствие Нилова заставило бы Витте в большей степени считаться с тем, как будет выглядеть со

---

¹⁸ Русская сатира XIX – начала XX веков. М.; Л., 1960. С. 337–341.

¹⁹ Богданович А. В. Указ. соч. С. 277.

²⁰ Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Таллинн; М., 1994. Т. 3: Царствование Николая II. С. 555.

²¹ В. П. Мещерский – С. Ю. Витте, 8 ноября 1904 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1622. Оп. 1. Д. 435. Л. 1.

стороны его реакция на просьбу, и созданное этим неудобством «фальшивое положение» могло сказаться на итоговом решении.

Без преувеличения можно сказать, что успех многих инициатив напрямую зависел от душевного состояния участников встреч. Если визави обнаруживал усталость или раздражение, которые могли перечеркнуть всю предварительную подготовку, посредник избегал острых вопросов и ждал лучшего случая. Следы этой тактики обнаруживаются в той же корреспонденции с Витте: «Намедни Вы были так не в духе за обедом, что говорить ни о чем не хотелось. А говорить есть о чем»²². Напротив, позитивный настрой благоприятствовал дружеской беседе, укреплению связей и заключению сделок. Острое чутьё и коммуникативные таланты Мещерского помогали ему грамотно обходиться с патронами, а в некоторых случаях, как выражался Витте, даже «влезать» к ним в душу.

Статус хозяина дома налагал серьёзные обязанности и ограничения. Хозяин должен был заботиться о гостях, предупреждать конфликты и разрешать возникшие проблемы. Долг гостеприимства не позволял ему участвовать в ссорах, тем более – провоцировать их. Подобные нормы стали серьёзным испытанием для некоторых хозяев, столкнувшихся с провоцирующим поведением гостей. Об одном из таких эпизодов рассказал в своих воспоминаниях К. Ф. Головин: «Заглянул два раза на мои среды и Мережковский. Эта, не знавшая застенчивости полузнаменитость, ещё, правда, не достигшая своей теперешней европейской “славы”, весь вечер говорила почти одна, размахивая руками и перекрикивая даже не высказанные ей возражения. Показалось ему, вероятно, что он произвёл на присутствующих, людей почтенных и уже немолодых, самое чарующее впечатление. Несколько лет спустя я имел случай, на вечере у К. К. Арсеньева, с ним столкнуться непосредственно и, уже не будучи хозяином дома, я позволил себе ответить не стесняясь»²³. Как следует из текста, единственной причиной, заставившей К. Ф. Головина сдержаться, была роль хозяина. Но память об инциденте жила несколько лет. При первой же возможности он посчитался с обидчиком.

Помимо заботы о психологическом климате, хозяин салона должен был нести все расходы по организации приёмов и, в частности, оплачивать стол. Этот обычай оставался неизменным и распространился на салоны, организованные людьми недворянского происхождения. В российском государственном архиве литературы и искусства хранится любопытный очерк М. К. Соколовского «Литературно-артистический салон д-ра Е. О. Марцинкевича (Материалы для истории быта русских литераторов, художников и артистов)». В нем подробно рассказано о застольях в одном из недворянских салонов Петербурга. Хозяин, Е. О. Марцинкевич, жил в

---

²² В. П. Мещерский – С. Ю. Витте, 9 мая 1897 г. // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 446. Л. 1.

²³ Головин К. Ф. Мои воспоминания: в 2 т. СПб., 1910. Т. 2 (1881–1894). С. 114.

доме Огинского, в квартире, которую ранее занимал А. Ф. Кони. Марцинкевич слыл ценителем искусства. Он любил гостей и щедро угощал их кулинарными изысками. По словам Соколовского, «особенно многолюдны бывали собрания на второй день Пасхи. Везде стояли столы, уставленные всякими окороками, куличами, пасхами. Огромные окорока стояли на каждом углу стола, наготовлено бывало так много, что после разъезда гостей молодые хозяйки раздумывали, кому бы можно было предложить оставшийся шпик: дворники, швейцары, прислуга ничего не хотели брать, будучи завалены снедью до отказа»²⁴. В салоне Марцинкевича претензии на аристократизм перемешались с мещанским бытом: хозяин, этот «ценитель искусства», временами чинил насилие над домочадцами. Легко раздражаясь, он «в сердцах бил ложками по лбу своих дочерей, а жену – ключом, зажатым в кулак»²⁵. По-видимому, эти экзекуции случались и в присутствии посторонних, прямо за обеденным столом (ведь дочерей он бил ложками). М. К. Соколовский писал об этих вспышках гнева с сожалением, кивая на польские корни Марцинкевича, из-за которых, якобы, тот и отличался возбудимостью. Примечательно, однако, что гости салона снисходительно относились к этим инцидентам, свидетельствующим о воспитании и культурном уровне хозяина, поскольку с ними лично он был любезен и не скупился на угощение.

Существенным дополнением к освещению проблемы обязанностей хозяина может послужить другой курьёзный случай. В эпоху Серебряного века в Москве существовал салон небогатой помещицы Елизаветы Евгеньевны Синегуб. У неё собирались писатели и поэты, в том числе В. В. Маяковский. Хозяйка отличалась скупостью, вызывавшей насмешки гостей. В. Шершневич оставил воспоминания об одном из обедов в этом «салоне Плюшкиной», в ходе которого проголодавшимся литераторам был предложен «одиноким фазанчик, умерший, конечно, от длительной голодовки или сознательного истощения»²⁶. Скучная кормежка повлекла за собой издевательства над «Синегубиной». С точки зрения собравшихся, не накормив достаточно гостей, хозяйка нарушила свой долг и заслужила наказание. Тот факт, что стол для литераторов был бесплатным, а хозяйка испытывала нужду в деньгах, не рассматривался в качестве оправдания.

Конечно, репутация хозяев зависела не только от их щедрости и гостеприимства. Язвительные высказывания о салоне и его обитателях, как и любые сплетни, могли быть вызваны к жизни самыми ничтожными мелочами. Грешил этим и большой свет. По выражению современника, «обычай осмеивать членов семейства и вообще дом, из которого выходишь гостем, до такой степени в нравах большого света, что составляет как будто по-

---

²⁴ РГАЛИ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

²⁵ Там же. Л. 13.

²⁶ Шершневич В. Великолепный очевидец. Синегуб и ее «салон» // Московский Парнас: кружки, салоны, журфиксы Серебряного века (1890–1922). М., 2006. С. 486–487.

требность общежития»²⁷. Принципиальное различие, однако, состояло в том, что посетители салона Синегуб время от времени делали неллицеприятные высказывания во всеуслышание, в то время как аристократы шептались за спиной. Повод для насмешки часто давали культурные различия. На рубеже веков, когда в обеих столицах появились купеческие салоны, претендовавшие на статус элитарных, представители дворянства не упускали случая для иронии. Излюбленной мишенью стал салон З. Г. Морозовой (супруги Саввы Морозова). В 1896 г. на аристократической Спиридоновке Морозовы построили экзотический особняк, помпезно обставили его и с большим размахом давали вечера и балы. Сюда приглашался бомонд: знаменитые музыканты и художники, титулованное дворянство. Известно высказывание А. П. Чехова по поводу этих собраний: «Зачем, зачем Морозов Савва пускает к себе аристократов? Ведь они наедятся, а потом, выйдя от него, хохочут над ним»²⁸.

Приведённые примеры подводят к заключению, что хозяева салонов, приглашавшие гостей и предлагавшие им по мере своих возможностей щедрое или скудное угощение, временами сталкивались с неблагодарностью. Напрашивается вопрос: почему посетители салонов были столь придирчивы, почему предъявляли к хозяевам такие высокие требования?

Попробуем разобраться. Не секрет, что бесплатный стол предлагался далеко не всюду. Напротив, в обыкновение вошли застолья вскладчину, когда каждый из участников вносил известную сумму. Так, участники «Вечеров Случевского» по торжественным поводам проводили ужины в трактире Палкина на Невском проспекте, причём каждый приглашённый платил пять рублей²⁹. Схожий пример являли собой редакционные обеды сотрудников «Биржевых ведомостей». С конца 1870-х гг. они ежемесячно собирались в ресторане «Медведь». Владелец ресторана счёл это хорошей рекламой заведения и специально отремонтировал для журналистов подвальный этаж. Участники застолий испытывали неподдельный энтузиазм: приглашения на обед и ответы на них писались стихами³⁰.

Своеобразно была организована оплата за еду в художественном кружке В. Е. Шмаровина. Вначале гости, среди которых были именитые художники, рисовали. Затем их работы разыгрывались в лотерею. Билет стоил десять копеек. В розыгрыше принимали участие главным образом коллекционеры и любители искусства. В. А. Гиляровский свидетельствовал: «Кто брал один билет, а иной богатенький гость и десяток, и два – ка-

²⁷ *Мецкерский В. П.* Хочу быть русскою. Роман из большого петербургского света. СПб., 1877. С. 220.

²⁸ *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902. М., 1981. С. 194.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

³⁰ *Вейнберг П. И.* Литературные обеды (из моего литературного архива) // Исторический вестник. 1908. Т. 111. № 1. С. 178.

ждому было лестно выиграть за гривенник Левитана!»³¹. Часть вырученных денег шла В. Е. Шмаровину на покрытие организационных расходов, часть выплачивалась авторам проданных картин, а остальное шло на оплату совместного ужина.

Представляется, что в кружках, практиковавших оплату застолья вскладчину, царствовали буржуазные ценности. По словам В. А. Гиляровского, каждый посетитель кружка сознавал, что он пьёт и ест не даром. Равные или приблизительно равные затраты участников застолья предполагали относительное равенство их статусов. В салоне ситуация была иной. Салон – эта форма досуга, получившая распространение в различных социальных слоях, но ушедшая корнями в аристократическую культуру. Держать салон, кормить гостей, делать им различные одолжения – значило повышать собственный престиж. Ведь, принимая на себя многочисленные обязанности, хозяин в то же время занимал центральное положение в «локальной сети», претендовал на статус наиболее влиятельного и авторитетного из ее членов. Именно поэтому в салонах не могло идти и речи о компенсации хозяйских затрат на угощение. Такое положение дел объясняет склонность состоятельных людей, в частности купцов, к созданию салонов: привлекая к себе элиту, они пытались конвертировать деньги в улучшение репутации и повышение социального статуса. В том случае, если хозяева оказывались в состоянии удовлетворить ожидания гостей, они могли сполна насладиться обретенными преимуществами, однако если в силу собственной скупости или недостатка образования они производили неблагоприятное впечатление, то рисковали стать объектом насмешек.

Таким образом, застолье, как традиционное времяпрепровождение в светской гостиной, могло принимать различные формы. Чайный стол и завтраки для широкого круга посетителей создавали комфортную атмосферу для установления контактов и обмена информацией. Обед или ужин в узком кругу приглашённых открывали возможности для разнообразных сделок, актов протезирования.

Расходы на угощение гостей (и это тоже традиция) хозяин салона нес единолично. Владельцы респектабельных гостиных, успешные посредники предпочитали не экономить на мелочах. Положение хозяина было сопряжено с целым рядом ограничений, однако обосновывало притязания на главенствующую роль и уважение окружающих. Люди, разделявшие трапезу, сближались между собой, становились «своими». Салонные застолья в известных пределах способствовали солидарности членов «локальной сети».

---

³¹ Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1983. С. 113.

Список литературы:

1. *Альгази Г.* Господа спрашивают, крестьяне отвечают: создание традиции на сельских сходах позднего Средневековья // История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX – XXI веков. СПб., 2006.
2. *Вейнберг П. И.* Литературные обеды (из моего литературного архива) // Исторический вестник. 1908. Т. 111. № 1.
3. *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. М., 1983
4. *Келлер Е. Э.* Светская жизнь в интерьерах столичных особняков. СПб., 2007.
5. *Ковалев В. М., Могильный М. П.* Традиции, обычаи и блюда русской кухни. М., 1996.
6. *Лотман Ю. М., Погосян Е. А.* Великосветские обеды. СПб., 1996
7. *Макашина Т. С.* Застолье в вологодском свадебном обряде // Мирозрение и культура севернорусского населения. М., 2006.
8. *Морозов И. А.* Структура и семантика традиционного застолья: обычаи, верования, магия, связанные с его началом и завершением // Традиционная культура: научный альманах. М., 2002. № 2.
9. *Романов П. В.* Застольная история государства Российского. СПб., 2000.
10. *Шершневич В.* Великолепный очевидец. Синегуб и ее «салон» // Московский Парнас: кружки, салоны, журфиксы Серебряного века (1890–1922). М., 2006.
11. *Korostowetz W.* Graf Witte. Der Steuermann in der Not. Berlin, 1929.

THE MEANING OF MEALS IN RUSSIAN SALONS AT THE BOUNDARY OF XIX-XX CENTURIES

M. M. Leonov

The Samara academy of state and municipal management,
chair of humanitarian and legal disciplines, Samara

This article shows itself as an attempt to clarify the meaning of meals in Russian salon culture at the boundary of XIX–XX centuries. The author argues that the atmosphere of the salon meetings as well the behavior of the visitors was mostly defined by the pragmatic approach.

Keywords: *meal, salon, visit, hospitality, public opinion, patronage, informal connections, bureaucracy.*

Об авторе:

ЛЕОНОВ Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и правовых дисциплин Самарской академии государственного и муниципального управления.

E-mail: mmleonov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 19.12.2010